

Белые наступают и проигрывают

История невыполнения одного приказа, обернувшаяся победой РККА

Частный почин комбрига Эйхе

Крупнейшей стратегической наступательной операцией, предпринятой в период Гражданской войны в России антибольшевистским политическим режимом адмирала А.В. Колчака, явилось Весеннее наступление Российской армии (март — апрель 1919 г.). Военное и политическое руководство Омского правительства изначально рассматривало ее как своеобразное «генеральное сражение», успех которого должен был обеспечить решительное наступление на Москву с плацдарма волжских переправ. Эта операция, открытая рядом масштабных успехов вооруженных сил Колчака в Предуралье и Поволжье, как известно, обернулась для белых тяжелым поражением.

Стратегический крах весеннего наступления был обусловлен рядом факторов: оперативных, управленческих, кадровых, сезонных, политических, мобилизационных и др. Некоторые из них в той или иной мере стали предметом изучения¹. Тем не менее история операции и сегодня отличается еще наличием малоизвестных военных мероприятий сил РККА, во многом предопределивших неудачный для войск Омского правительства исход противостояния. К их числу относится решение Реввоенсовета Восточного фронта о формировании новой оборонительной линии 5-й армии южнее Уфы в середине марта 1919 г., ставшее следствием волевой инициативы одного из рядовых краскомов — командира 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии, 25-летнего «красного латыша» Генриха Христофоровича Эйхе (1893–1968).

Во многом благодаря его частному почину стремительно отступавшей под ударами белых 5-й армии удалось закрепиться на новой, выгодной 65-километровой оборонительной позиции. Активным, стойким сопротивлением на ее рубеже «пятоармейцы» на 20 дней (14 марта — 2 апреля 1919 г.) задержали наступление главной ударной силы адмирала Колчака, отдельной Западной армии генерала М.В. Ханжина, сорвав выход последней к стратегическим волжским переправам. Упущенный шанс Западной армии даже спустя многие годы вызывал острое разочарование в среде белых эмигрантов. Весьма симптоматична реакция бывшего начальника штаба VI Уральского корпуса Западной армии генерала П.П. Петрова, риторически вопрошавшего по этому поводу в своих воспоминаниях: «Но почему ... большевики с 13 по 30 марта могли держаться близ Уфы?»².

1

° 1

Подобно многим красным командирам, Генрих Христофорович Эйхе начал военную службу в Русской императорской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № ОФ-13896. 1915 г. Публикуется впервые.

В соответствии с замыслом белых Западная армия была выдвинута на направление главного удара, приходившегося на позиции 5-й армии красных (центр оперативного построения советского Восточного фронта). Стратегическая задача армии Ханжина заключалась в разгроме 5-й армии, овладении районом Бирска, Уфы, Стерлитамака, Белебея и выходе на рубеж реки Ик³. Впоследствии она была расширена до выдвижения к рубежу Волги у Симбирска и Сызрани с захватом волжских переправ⁴. Масштабное наступление началось 6 марта 1919 г.

Приказ начдива Матиясевича: отступать

К исходу первой недели наступления белых положение на фронте 5-й армии начало принимать драматический оборот. Разгром левого крыла армии и прорыв белых в ее глубокий тыл, на Бирск, привели к деморализации и отступле-

нию. К отходу тяготела значительная часть руководства 5-й армии, в том числе командующий Ж.К. Блюмберг⁵.

Из аналогичных соображений, по-видимому, исходил и военспец М.С. Матиясевич, начальник 26-й стрелковой дивизии — правофлангового соединения 5-й армии. В условиях потери управления со стороны РВС армии он принял самовольное решение об оставлении Уфы без боя и отводе введенных ему сил на 80 км к юго-западу⁶. В рамках этого решения начдив, в частности, санкционировал (приказ № 17/м от 13 марта 1919 г.) проведение глубокого отступательного марша входившей в состав дивизии 3-й бригады во главе с молодым краскомом Эйхе⁷.

3-я бригада Эйхе находилась на крайнем правом фланге армии и занимала стыковое положение, обеспечивая стык с развернутой южнее 1-й армией Восточного фронта. Вследствие этого отход бригады, какую бы форму он ни принял, неизбежно должен был привести к потере оперативной связи между армиями и оголению левого крыла 1-й армии, выдвинутого далеко на восток, до Верхнеуральска. Таким образом, реализация Эйхе задач отступательного марша, обеспечивая прикрытие операционного направления 5-й армии на Бугуруслан и стратегической железно-дорожной магистрали Самара — Бугуруслан, в то же время открывала силам VI Уральского корпуса Западной армии беспрепятственный путь в глубокий тыл 1-й армии, на Стерлитамак.

Вероятно, первым из «пятаармейцев» угрозу подобного развития событий осознал именно комбриг Эйхе. Оставить без внимания из местных соображений столь неприятную перспективу военачальник не считал возможным. В личном порядке он предпринял ряд смелых, инициативных действий, направленных на пересмотр «отступательного» приказа начдива Матиясевича. Это стало ключевой предпосылкой развертывания новой оборонительной линии 5-й армии в 40–45 км южнее Уфы. Благодаря этому была стабилизирована оперативная обстановка на стыке 5-й и 1-й армий и была отведена угроза флангового охвата и разгрома белыми левого крыла 1-й армии.

Руководимые Эйхе бригадные силы в соответствии с указаниями начдива Матиясевица начали отступательный марш 13 марта 1919 г. Оторвавшись под прикрытием усиленных арьергардов от преследования пехоты 12-й Уральской стрелковой дивизии белых, они остановились к исходу дня в селе Бузовьязы (40 км южнее Уфы) на ночлег.

Временный компромисс

На следующий день, 14 марта, около 10.00 между комбригом Эйхе и начальником 1-й Пензенской пехотной дивизии (обеспечивавшей крайний левый фланг 1-й армии) А.Е. Воробьевым состоялся внеплановый телеграфный разговор⁸. В ходе него начдив обозначил перспективу вероятного поражения левого фланга 1-й армии в случае дальней-

шего отступления 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. В связи с этим он вполне обоснованно просил Эйхе временно прекратить отвод бригады, по меньшей мере до подхода на данный участок свежих войск 1-й армии. Принятие комбригом этого предложения, однако, было равнозначно отказу от выполнения приказа Матиясевича № 17/м. «Обстановка, — отмечал позднее Эйхе, — требовала проявления инициативы. Нужно было произвести переоценку обстановки и принять новое решение без боязни ответственности за невыполнение боевого приказа дивизии»⁹. По итогам переговоров Эйхе принял ответственное, исключительно смелое решение — приостановить вопреки указаниям Матиясевича отступление бригады до 00.00 15 марта и направить при посредничестве Воробьева и РВС 1-й армии запрос в штаб Восточного фронта относительно целесообразности продолжения выполнения приказа об отступательном марше в оперативной обстановке, чреватой крупным поражением 1-й армии¹⁰. Предпринятые комбригом попытки выйти на связь с командованием 26-й стрелковой дивизии или 5-й армии для обсуждения аналогичного вопроса не увенчались успехом. Таким образом, Эйхе удалось достигнуть с начдивом Воробьевым временного компромисса по вопросу отвода 3-й бригады. «Мы согласны, — подчеркивал Эйхе в разговоре с ним, — подождать до вечера на занятых позициях, а вы попытайтесь разыскать наше командование ... и если к вечеру нам скажут «оставайтесь», мы останемся, если же нового приказа не будет, то мы будем выполнять приказ по дивизии о дальнейшем отходе»¹¹.

Инициатор получил поддержку

Указанным инициативным решением комбриг Эйхе не ограничился, одновременно установив через конных ординарцев связь со своим земляком краскомом Я.П. Гайлитом, командиром отступавшей юго-западнее 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Эйхе удалось убедить его также временно прекратить отход до 15 марта, пока не будет принято решение фронтового командования. «Нам, безусловно, следует, — писал он в полевой записке на имя Гайлита, — дождаться решения штаба фронта, чтобы ... своим отходом не оголить весь левый фланг 1-й армии, что может кончиться таким же поражением, как у нас. ... Полагаю, что это приказание начдива слишком скороспешное»¹².

Инициатива Эйхе, поддержанная Гайлитом, привела к отмене приказа начдива Матиясевича. Командование Восточного фронта, изучив сложившуюся ситуацию, постановило: «Части (1-й и 3-й бригад. — Р.Б.) временно подчинить начдиву Пензенской (на деле Реввоенсовету 1-й армии. — Р.Б.) с задачей остановить противника, продвигающегося от Чишмы на юг, на фронте Илтуганово — ст. Усманово»¹³. Таким образом, предпринятый Матиясевичем из местнических соображений непродуманный вывод 26-й стрелковой

3

4

° 3

Генрих Христофорович Эйхе. Середина 1960-х гг. Государственный архив Новосибирской области. Публикуется впервые.

° 4

Начальник 26-й стрелковой дивизии М.С. Матиясевич.

дивизии в общем направлении на железнодорожную станцию Давлеканово путем глубокого отступательного марша был прекращен, не достигнув своей конечной точки. Фронтовое командование стало на точку зрения комбрига Эйхе.

Исполнение задачи командующий 1-й армией Г.Д. Гай закономерно возложил на Эйхе. 15 марта последнему были переданы во временное командование силы 1-й и 3-й бригад, которые образовывали объединенную оперативную «группу Эйхе»¹⁴. Протяженность фронта группы составила 65 км (по подсчетам Эйхе, 70–75 км) — от д. Алайгирово до д. Абраево, но фактически до ж/д ст. Усманово. В адресованном Эйхе приказе командарм Гай помимо постановки оборонительных задач потребовал: «Подчините себе конный полк 26 дивизии, занимающий ст. Усманово. Подчиняйте ... себе все разрозненные и мелкие части, находящиеся в вашем районе, и немедленно организуйте их»¹⁵.

Уфимская оборонительная линия

Так было положено начало формированию оборонительной линии 5-й армии в 40–45 км к югу от Уфы. После отступления в полосу группы Эйхе из района Уфы к 16 марта 1919 г. расстроены, деморализованные соединения 5-й армии — 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии¹⁶, 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии, Сводной бригады М.В. Шабата (три стрелковых и кавалерийский полки)¹⁷, ряда иных подразделений — и закрепления их на данном участке образование указанной линии стало свершившимся, реальным фактом. Прекратившие отход войска 5-й армии достаточно скоро были приведены в должный порядок, восстановили боевую устойчивость и перешли к подвижной, маневренной обороне новых позиций. «Неожиданно для себя, — отмечал Эйхе в воспоминаниях, — противник встретил южнее Уфы новый фронт»¹⁸.

Таким образом, была нивелирована угроза нанесения белыми удара во фланг и тыл 1-й армии за счет прикрытия тракта Уфа — Стерлитамак и оперативного стыка 5-й и 1-й армий силами прекративших отступление 1-й и 3-й бригад 26-й стрелковой дивизии. Основные силы 5-й армии, большая часть которых беспорядочно, панически отступала под давлением белых из района Уфы, ст. Чишмы, были закреплены и приведены в должный порядок на новой 65-километровой оборонительной линии — выгодной в оперативном смысле фланговой (по отношению к основным направлениям наступления Западной армии на Симбирск и Самару) позиции. Как показали дальнейшие события, этот факт имел крупное значение для стратегических итогов Весеннего наступления вооруженных сил адмирала Колчака. Военный историк Ф.Е. Огородников подчеркивал, что «сопротивление на фланговой позиции ... к югу от Уфы сильно потянуло в этом направлении всю Западную армию (с потерей инициативы действий), ослабив ее нажим в западном (основном операцион-

ном. — Р.Б.) направлении»¹⁹. В результате силам Западной армии белых, ввязавшимся в упорное 20-дневное сражение (14 марта — 2 апреля 1919 г.) на данном участке, так и не удалось выдвинуться на рубеж Волги и захватить переправы до наступления весенней распутицы и разлива рек и, как следствие, выполнить конечную стратегическую задачу в рамках замысла Весеннего наступления.

Попытка отомстить

Выдвижение инициативы о приостановке глубокого отвода бригад 26-й стрелковой дивизии прежде ошибочно соотносилось с действиями дивизионного командования, то есть Матиясевича²⁰. Только историк Л.М. Спирин, поддерживавший неформальные научные контакты с Эйхе, расста-

вил в конце 1950-х гг. точки над *i*, указав, что фланговая позиция была занята силами 26-й стрелковой дивизии «по инициативе командиров бригад Г.Х. Эйхе и Я.П. Гайлита вопреки приказаниям растерявшегося начальника дивизии»²¹. Начдив Матиясевич не только не одобрил проявленную Эйхе инициативу, но, как удалось установить, инспирировал в марте 1919 г. проведение следствия на предмет предания его суду воен-

ного трибунала за саботаж приказа об отводе 3-й бригады²². В этом деле поддержку начдиву оказал командующий 5-й армией Блюмберг. Весьма характерно, что сам Эйхе ни в период Гражданской войны, ни позднее не питал негативных чувств к Матиясевичу за этот неоднозначный шаг. Более того, в 1960-е гг. он состоял в дружеской переписке с проживавшей в Киеве вдовой начдива М.С. Матиясевич (урожденной Маевской).

Неприглядное «следственное» начинание Матиясевича и Блюмберга, однако, обернулось скорее в пользу главного «фигуранта» дела. Уже 25 марта 1919 г. решением РВС 5-й армии комбриг Эйхе, проявивший себя как инициативный, здравомыслящий и решительный красный командир, был утвержден вместо Матиясевича в должности начальника 26-й стрелковой дивизии.

° 5

Главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики Г.Х. Эйхе принимает парад войск. Верхнеудинск. 1920 г.

¹ Боголюбов А.Н. Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). М., 1939; Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949; Ганин А.В. Враздробь, или Почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63-74; Зайончковский А.М. Восточный фронт. Контрманевр Южной группы. Апрель-май 1919 года // Сборник трудов Военной академии. 1926. Кн. 1. С. 3-29; Огородников Ф.Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; Плотников И.Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи

в его осуществлении и последующий провал (февраль-май 1919 г.) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 73-97; Симонов Д.Г. К истории отдельной Западной армии вооруженных сил адмирала А.В. Колчака (декабрь 1918 — июль 1919 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 1: История. С. 100-109.
² Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 35.
³ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Стра-

ницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 129.
⁴ Боголюбов А.Н. Разгром Колчака. С. 29-30.
⁵ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 193. Л. 71, 76; Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 10-10об.
⁶ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960. С. 107.
⁷ РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 40-40об.
⁸ РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 34. Л. 102-104.
⁹ Эйхе Г. Тактические поучения Гражданской войны: исследование тактики Красной армии в борьбе против Колчака и на Даль-

нем Востоке. М., 1931. С. 173.
¹⁰ РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 97. Л. 325об.-326; Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. С. 110-111.
¹¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 11.
¹² РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 97. Л. 326об.-328об.
¹³ Директивы командования фронтов Красной Армии: Сб. док. М., 1972. Т. 2. Март 1919 г. — апрель 1920 г. С. 628.
¹⁴ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 143. Л. 5.
¹⁵ Там же. Л. 7.
¹⁶ РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 41-42об.
¹⁷ Павлов Г. Колчак наступал // Сибирские огни. 1929.

Ноябрь-декабрь. С. 115.
¹⁸ Эйхе Г.Х. Фланговый марш // Военный вестник. 1968. № 1. С. 10.
¹⁹ Огородников Ф. Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 115.
²⁰ История Гражданской войны в СССР. 1917-1922. М., 1959. Т. 4. С. 55-56; Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта. С. 36; Огородников Ф. Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 113, 115.
²¹ Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 100.
²² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405. Л. 199-200.